

В.Л. Аганов

Донецкий институт железнодорожного транспорта, Украина

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ТРАВМАТИЗМ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УССР в 80-е гг. XX века: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА, СЛЕДСТВИЯ

В статье раскрываются объективные и субъективные причины производственного травматизма в угольной промышленности УССР, показана динамика смертельного травматизма в 80-е гг. XX века, определяются экономические и социальные последствия этого явления.

Становление украинского демократического государства, возрождение его экономического потенциала сопровождаются трагические события на шахтах Украины. Смертельная опасность труда горняков обусловлена не только специфическими условиями их трудовой деятельности, но и особенностями становления и развития отрасли, условий формирования производственной культуры шахтерских коллективов. Поэтому при выяснении современных проблем угольной промышленности оправданной является реализация принципа ретроспективного анализа, который позволяет выяснить состояние безопасности шахтерского труда на различных этапах развития отрасли, извлечь уроки из недавнего прошлого. Вопросы условий труда горняков затрагиваются в коллективной монографии «Угольный Донбасс во второй половине XX века» [1], в публикациях З. Лихолобовой [2], Н. Шевченко [3]. Важность проблемы требует продолжения ее разработки.

Цель статьи: показать объективные и субъективные причины, порождавшие травматизм горняков в 80-е гг. XX в., выяснить его динамику, экономические и социальные последствия.

В 80-е гг. в УССР из 14,5 млн рабочих различных отраслей промышленности труд более 3 млн чел. протекал в экстремальных условиях [4, л. 10]. Ни в одной из сфер человеческой деятельности протекание труда не было столь опасным, как в угольной отрасли. Именно здесь концентрировалось наибольшее количество неблагоприятных для человека факторов – более 200. Без дневного света и свежего воздуха, в максимально ограниченном рабочем пространстве, во взрывоопасной обстановке, на значительных глубинах, рискуя быть раздавленными тоннами горной массы, трудились более 490 тыс. подземных рабочих, из которых непосредственно добычей угля были заняты 380 тыс. чел. [5, л. 223].

На заключительном этапе существования УССР проблема безопасности шахтерского труда стояла предельно остро. Особенно на шахтах Донбасса, где промышленным способом уголь изымался более 100 лет и где горно-геологические условия угледобычи в силу старения шахт достигли чрезвычайной сложности. Шахты ежегодно углублялись на 11 – 12 м. Средняя их глубина в конце десятилетия достигла в УССР 520 м, в Донбассе – 670 м. На 28 угольных предприятиях угледобыча осуществлялась на горизонтах 1000 – 1300 м. Горнякам все чаще приходилось иметь дело с неустойчивыми и труднообрушаемыми вмещающими породами, с трещинами и разломами угольных пластов. В течение 1981 – 1989 гг. количество очистных забоев в сложных горно-геологических условиях увеличилось с 810 до 930. Возросшее горное давление все чаще приводило к внезапным выбросам угля. В 1986 г. их было 252, в 1987 г. – 284, в 1988 г. – 310 [6, с. 33]. На крутопадающих пластах проходили обрушения нависающего массива угля. Таких

явлений в течение 1976 – 1988 гг. на шахтах Центрального района Донбасса (ЦРД) было зафиксировано 140 [7, с. 6]. На пологих пластах в забоях с механизированными комплексами наблюдались отжимы угля, его обрушения в отработанной зоне. Увеличивалась выбросоопасность пластов. Количество забоев в таких пластах за период 1981 – 1989 гг. возросло с 570 до 815 [8, с. 2]. Несмотря на то, что выбросоопасные пласты разрабатывались во всех угольных бассейнах СССР, 90 % всех выбросов проходило в Донбассе [9, с. 40]. 70 % из них выпадало на шахты производственного объединения (ПО) «Донецкуголь». Динамика этого явления была крайне тревожной. Если в 1984 г. в этом объединении произошло 156 выбросов, то в 1988 г. – 307 [10, с. 41]. На шахте «Социалистический Донбасс» (ПО «Донецкуголь»), которая детонировала июльскую 1989 г. забастовку в г. Донецке, за период с 1958 г. по 1989 г. произошло 443 выброса, при которых погибли 27 чел. [6, с. 33]. Не менее опасными были высыпания угля. Треть травм горняков были следствием высыпаний, обвалов, обрушений угля и породы [11, с. 42].

С глубиной возрастала естественная загазованность угольных пластов и вмещающих пород. Количество метана в горном пространстве было огромным. Специалисты утверждали: «Объемы метана, содержащиеся в угольных пластах Донбасса, вполне соизмеримы с запасами крупнейших газовых месторождений СССР» [12]. В 1979 г. была предпринята попытка осуществить масштабную дегазацию горного пространства. В выработках шахты «Юный коммунар» (ПО «Орджоникидзеуголь») был проведен ядерный взрыв, который не принес ожидаемого эффекта. По газу были опасны 247 шахт из 283, 107 из них относились к сверхкатегориальным. В ПО «Донецкуголь» таких предприятий было 39 %, среди которых печальную славу снискали шахты им. Калинина, им. Скочинского, им. Засядько, им. газеты «Социалистический Донбасс», где выполнение горных работ происходило во взрывоопасной атмосфере.

По мере углубления и разработки новых шахтных полей возрастала протяженность горных выработок, которая за период 1985 – 1989 гг. увеличилась на 1031 км, достигнув 17128 км [13, с. 24]. Усложнилось вентилирование лав, особенно на шахтах с несовершенным горным хозяйством. Для проветривания в забой в течение года подавалось 5,3 млрд м куб. свежего воздуха. Но вентиляционные струи зачастую не доходили до рабочих мест. В угольной промышленности применялось понятие «труднопроветриваемые шахты», к которым причислялись 167 предприятий. В их числе были не только предприятия довоенной постройки, но и новые – «Южнодонбасская № 1» («Донецкуголь»), им. Стаханова («Красноармейскуголь»), оказавшиеся в этом перечне вследствие ошибок проектировщиков. Одной из основных причин «труднопроветриваемости» была эксплуатация устаревшего вентиляционного оборудования. Искрения от режущих органов выемочных машин и проходческих комбайнов, взрывные и огневые работы, искры от электрооборудования с нарушенной защитой, самовозгорания угля в непроветриваемом пространстве приводили к взрывам метана и пылегазовой смеси.

Горняки разрабатывали разные по мощности пласты от 0,45 м до 2,2 м. В конце 80-х гг. 71,9 % забоев обрабатывали пласты мощностью до 1,2 м, которые относились к категории тонких. 24,5 % забоев обрабатывали крутонаклонные и крутые пласты, которые залегали под углом до 85 градусов. Разработка тонких пластов делала невозможным выполнение требований по высоте, зазорам и площади сечения выработок, которая составляла в среднем 8,6 кв. м и на 3 м была меньше необходимого. 2300 км выработок (13,4 % от их протяженности), сконцентрированных в ПО «Лисичанскуголь», «Стахановуголь», в объединениях ЦРД, находились в неудовлетворительном состоянии. Малые поперечные сечения штреков усложняли проветривание, не позволяли осуществлять закладку выработанного пространства породой, являющейся наилучшим способом управления горным давлением в очистных и подготовительных забоях. Этот способ использовался только на отдельных

участках трех шахт Украины. На шахтах, разрабатывающих тонкие крутые пласты, частота травмирования была самой высокой. При выемке 1 млн т угля из таких пластов 440 горняков оказывались покалеченными. В ПО «Дзержинскуголь» на 1 тыс. работающих, пострадавших в течение года, было 80 шахтеров, в ПО «Артемуголь» – 75, в ПО «Орджоникидзеуголь» – 62. Разработка тонких пластов являлась основной причиной того, что угледобыча в СССР была наиболее опасной среди всех угольных регионов СССР. В СССР при добыче 1 млн т угля погибало по статистическим данным 1,5 человека (союзный показатель 1 чел.), в ПО «Донецкуголь» – 2,5 чел., на шахтах ЦРД – 2,8 чел. [14, л. 77, 154]. Фронт горных работ продолжал оставаться наиболее уязвимым местом шахтерского труда. В очистных забоях и действующих подготовительных выработках происходило 80 % смертельных случаев от всех подземных.

Несмотря на ухудшение и усложнение условий труда, в течение почти всего десятилетия вплоть до июля 1989 г. (начало забастовочного движения) при росте производственного травматизма в целом смертельный травматизм снижался. Согласно отчетности, к лету 1989 г. он сократился на 32,2 % [9, с. 40]. Сам факт уменьшения числа смертельно травмированных свидетельствовал о том, что руководству МУП СССР вплоть до июля 1989 г. удавалось нейтрализовать, частично преодолевать негативные последствия прогрессирующего ухудшения горно-геологических условий угледобычи, которые, казалось бы, должны были определять динамику производственного травматизма. В том, что смертельный травматизм определенное время снижался, была своя логика и закономерность. Благодаря принятому 3 марта 1980 г. постановлению ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию угольной промышленности в Украинской ССР и Ростовской области в 1980 г., XI пятилетке и на период до 1990 года» в 1981 – 1985 гг. капиталовложения в угольную промышленность СССР возросли на 13,5 % [15, с. 10]. Шахтеры, получив 6,1 млрд руб., направили материальные ресурсы преимущественно на реконструкцию шахт и обновление горного хозяйства. Были отремонтированы 23,5 тыс. км горных выработок. На 78 шахтах были проведены работы по обновлению вентиляции. Количество подаваемого в шахты воздуха увеличилось в 1,2 раза. В эксплуатацию были введены 37 дегазационных установок. Приход в 1985 г. к руководству КПСС и СССР новых политических лидеров, изменение персонального состава руководства МУП СССР, гуманизация государственной политики, антиалкогольная кампания способствовали, с одной стороны, укреплению производственной дисциплины, с другой – дали возможность выделить средства для выполнения дополнительных мероприятий по улучшению условий охраны труда и техники безопасности (ТБ). В 1986 – 1989 гг. на эти цели было израсходовано свыше 1 млрд руб., на 29 млн руб. больше, чем предусматривалось государственным планом. Финансирование угольной промышленности составило 8,5 млрд руб. В пределах выделенных материальных ресурсов продолжались работы по обновлению горного хозяйства. С ноября 1985 г. на шахтах стала внедряться единая система безопасности труда.

Травматизм снижался благодаря продолжавшемуся процессу механизации угледобычи. К концу 80-х гг. механизированными комплексами были оснащены 43,3 % забоев. Использование комплексов позволяло минимизировать пребывание людей в опасной зоне. По сравнению с добычей угля отбойными молотками и индивидуальной крепью уровень травматизма при использовании комплексов уменьшался в 13 раз, по сравнению с узкозахватными комбайнами и индивидуальной крепью – в 5,3 раза, по сравнению со струговыми установками – в 5 раз [16, с. 103]. Механизация позволяла уменьшить численность подземных рабочих. На шахтах Донбасса их количество сократилась с 463 тыс. в 1985 г. до 446,6 тыс. в 1989 г. [13, с. 12].

В шахтерских коллективах осуществлялся поиск эффективных форм организации труда. МУП СССР, администрация шахт при внедрении бригадного подряда и внутришахтного хозрасчета создавали механизм коллективной ответственности, задействовали эконо-

мические стимулы, побуждавшие горняков соблюдать ТБ. В случае бесперебойной работы очистных и подготовительных забоев, при отсутствии нарушений ТБ и случаев травматизма горняки премировались в размере до 15 % к заработной плате. Одновременно вводились штрафные санкции. Получив травму, шахтер лишался пятой части премии, ему не выплачивались надбавки за профессиональное мастерство и производственный стаж. Администрация, партийные и профсоюзные организации шахт ужесточили требовательность к шахтерам. Ими целенаправленно применялся принятый 30 ноября 1976 г. Советом Министров СССР «Устав о дисциплине работников, занятых на работах в особо опасных подземных условиях». В объединении «Донецкуголь», в частности, в 1988 – 1989 гг. были наказаны более 2 тыс. нарушителей ТБ, в том числе 230 инженерно-технических работников [17]. «Пока у нас кровь будет литься, будем делать насилие», – оправдывали свой стиль управления руководители отрасли [18]. Была повышена ответственность всех звеньев управления МУП СССР за несчастные случаи на производстве. В 1989 г. только по результатам расследований случаев со смертельным исходом к ответственности были привлечены более 1,1 тыс. должностных лиц. 120 чел. были освобождены от занимаемых должностей. На 150 руководителей материалы были переданы в правоохранительные органы [19, с. 3]. Активизировал свою деятельность Госгортехнадзор УССР. Им только в 1989 г. было выявлено более 800 тыс. нарушений «Правил безопасного ведения работ», 22 тыс. случаев содержания выработок в пылевзрывоопасном состоянии, 9 тыс. случаев нарушения эксплуатации аппаратуры аэрогазового контроля. 90 тыс. раз шахтам запрещалось ведение работ. Устранение выявленных нарушений предотвратило многие аварии, травмы и гибель людей.

Динамика снижения смертельного травматизма до июля 1989 г. была обнадеживающей. Если в первой половине 80-х гг. он уменьшился на 11 % [4, л. 27], то благодаря достигнутому в первые 3,5 г. XII пятилетки во второй половине 80-х гг. смертельный травматизм уменьшился на 14,7 % [8, с. 2], в том числе в Донецкой области – на 9,1 %, в Луганской – на 22,6 %, во Львовской – на 30,1 % [11, с. 41]. Количество аварий с групповыми несчастными случаями сократилось на 20,4 %.

Таблица 1 – Состояние смертельного травматизма на производстве на предприятиях базовых отраслей народного хозяйства Донецкой области [20]

Число пострадавших со смертельным исходом	1988 г.	1989 г.	1990 г.
всего	378	369	386
в том числе:			
угольная промышленность	212	193	216
металлургическая промышленность	39	38	43

Несмотря на принятые МУП СССР меры, снижение производственного травматизма в угольной отрасли происходило наименее динамично в сравнении с другими отраслями промышленности, где также внедрялся бригадный подряд, а изношенность техники и оборудования также увеличивали опасность труда. Во втором квартале 1989 г. снижение смертельного травматизма в УП составило 11,9 %, в то время, как в химической промышленности 25 %, а в металлургическом производстве 38,5 % [21].

Усложнившиеся горно-геологические условия угледобычи являлись весьма важным, но не единственным фактором, который тормозил, а зачастую сводил на нет усилия должностных лиц, направленные на обеспечение безопасных условий подземных работ.

Прогрессу в этом направлении препятствовала вся система экономических и производственных связей и отношений. Мерилом в оценке деятельности трудовых коллективов являлось выполнение валовых показателей. От объемов добытого угля зависели заработки, поощрения, награды, общественный престиж. Необходимость выполнения и перевыполнения планов определяли движение материальных ресурсов и концентрацию человеческих усилий. Результат такого подхода был на лицо: к июлю 1989 г. план 3,5 лет XII пятилетки был перевыполнен на 16 млн т угля. Реализация многих мероприятий, которые могли бы благотворно повлиять на состояние условий труда, была отложена до лучших времен. Были вынуждены наращивать объемы производства шахты, отличавшиеся особо опасными условиями угледобычи. В результате такой политики в 1989 г. 39 % смертельных случаев пришлось на 12 % шахт.

Несомненно, уровень производственного травматизма мог снижаться более существенно, если бы не ограниченные финансовые возможности угольной промышленности, что было следствием ее дотационного положения в народнохозяйственном комплексе при плано-убыточном производстве. Выделенные государством ресурсы не удовлетворяли потребности угольщиков и не всегда использовались рационально. Возможности шахтерских коллективов в ликвидации узких мест, являвшихся источниками травматизма, были ограничены. Так, для улучшения проветривания шахт во второй половине 80-х гг. было пройдено 80 стволов и скважин большого диаметра. Были установлены 140 вентиляторов главного проветривания. Но сделанного было недостаточно. Отставание шахтостроителей Донбасса от плановых заданий по созданию вертикальных стволов составляло 32 % и было наибольшим среди угольных бассейнов СССР [9, с. 39]. Программа ввода новых вентиляторов была выполнена на 70 %. Работы по реконструкции вентиляционных систем были запланированы на 101 шахте, фактически проводились в 1989 г. на 71 [8, с. 4]. Поэтому продолжали находиться в эксплуатации вентиляционные установки с утечками воздуха, в 2,7 – 7,3 раза превышавшими сверхнормативные величины. Таких установок было 20 % от общего их числа.

Столь же неоперативно проводились работы по монтажу дегазационного оборудования. Количество дегазационных установок в 1986 – 1990 гг. увеличилось на 30, но по причине недофинансирования 11 установок не были введены в эксплуатацию. Вследствие недостатка средств планы реконструкций дегазационных установок срывались. Необходимость таких работ была обусловлена тем, что из общего числа установок (98) 35 находились в эксплуатации более 10 лет, вследствие чего их эффективность упала до 15 – 20 %. На многих шахтах в целях экономии электроэнергии они просто не эксплуатировались. Отставание в развитии вентиляционного и дегазационного хозяйства имело печальный результат. В 1986 – 1990 гг. произошло 13 загазований выработок. Количество шахтеров, погибших от удушья, увеличилось на 10 %. В эти годы произошло 12 взрывов, 56 вспышек местных скоплений метана и метановоздушной смеси, в результате которых пострадали 400 чел., из которых 115 погибли. Рост смертного травматизма вследствие взрывов в 1,7 раза превысил показатель первой половины 80-х гг.

Безопасность труда во многом определялась материально-техническим обеспечением шахт, которое постоянно ухудшалось. После 1985 г. промышленность СССР была включена в перестроечные процессы. В 1986 г. началась либерализация внешней торговли. Процесс активизировался в декабре 1988 г., когда СМ СССР разрешил выход на внешний рынок всем предприятиям, организациям и кооперативам, способным производить конкурентоспособную продукцию. Предприятия металлургического комплекса, химической промышленности и других отраслей, продавая свою продукцию на мировом рынке, смогли укрепить собственное финансовое положение и частично обновить основные фонды. Лесозаготовители, предпочитая продавать лес за границу, отказывались заключать договора с угольными

объединениями. В течение 1986 – 1988 гг. горняки не получили 700 тыс. т леса. В результате этого на шахтах отрасли нормы расхода леса на 1000 т добычи угля были сокращены на 10 – 15 %. Отсюда участвовавшие обрушения кровли. В начале 1989 г. были не определены поставки в УССР 1,1 млн м куб. лесоматериалов [22]. В этом же году только объединение «Шахтерскуголь» недополучило 20 тыс. м куб. леса, вследствие чего в лавах с индивидуальным креплением аварийность и травматизм возросли в 2 – 3 раза [23]. Шахты испытывали все больший дефицит электродвигателей, кабеля, труб для проветривания забоев, вентиляционного оборудования. Только шахты Донецкой области не получили 120 вентиляторов главного проветривания. Потребности шахт в аппаратуре контроля воздуха удовлетворялись на 10 %, в светильниках с сигнализаторами метана на 30 %, в светильниках с переносными сигнализаторами на 70 %. Не имея необходимых материалов и оборудования, шахтерские коллективы не могли выполнить приказ МУП СССР «Об обеспечении надежного проветривания и пылевзрывозащиты угольных шахт» (1987 г.).

Угольное машиностроение, имея изношенные основные фонды, функционируя в условиях нестабильности поставок металла и комплектующих, срывало выполнение договорных обязательств. В 1988 г. на шахты не были поставлены 150 тыс. металлических стоек. Горняки Донецкой области не получили 20 механизированных комплексов, 29 проходческих комбайнов, что вынуждало их трудиться вручную или возвращать в забои «музейные экспонаты», устаревшую технику. Ситуация на машиностроительных заводах усугубилась в первом квартале 1989 г. после того, как по решению Министерства металлургии СССР начался одновременный ремонт всех листопрокатных станков страны. К тому же машиностроители снизили качество поставляемой техники. Разрывы тяговых цепей выемочных комбайнов калечили людей. В 1989 г. каждая пятая травма стала следствием эксплуатации машин. Эксплуатация устаревших электровозов с нарушенной электрозащитой стала причиной взрывов пылегазовой смеси в шахтоуправлении «Алмазное», на шахтах «Запорожская» (ПО «Донбассантрацит»), «Кременная» (ПО «Лисичанскуголь»), им. Космонавтов (ПО «Ровенькиантрацит») [11, с. 42, 43]. В конце 80-х гг. была прервана тенденция снижения смертельного травматизма вследствие эксплуатации угольной техники.

Наряду с экономическим фактором, существенно тормозившим снижение травматизма, свою роль играл также фактор организационный. Падение объемов угледобычи во второй половине 70-х гг. подтолкнуло СМ СССР к изменению режима работы угольных предприятий. Угледобыча стала осуществляться по непрерывному графику, зачастую за счет времени, необходимого для проведения ремонтно-профилактических работ. Горняков вынуждали работать сверхурочно. В конце каждого месяца проводились дни повышенной угледобычи. Рабочий день многих шахтеров, который согласно закону ограничивался 6 часами, реально достигал 9 час., а с учетом времени на дорогу домой и обратно 11 – 13 час. При такой организации труда 8 – 20 % вышедших на смену шахтеров (в зависимости от выполняемых операций) не чувствовали себя отдохнувшими. Замедленные реакции в уставшем организме были причиной травм, особенно в воскресные дни и в последние дни месяца.

Травмами и смертями горняки в определенной степени расплачивались за низкий уровень инженерной подготовки производства. Это было обусловлено тем, что начиная с 80-х гг. подбор и расстановка кадров ИТР зачастую осуществлялась по родственному принципу. На шахтах укоренились «кумовство» и «сватовство». Инженерные должности все чаще занимали профессионально не подготовленные люди. В ПО «Донецкуголь», к примеру, свыше 200 чел. работали на инженерных должностях, не имея специального образования [24]. Молодые горные инженеры не закреплялись на шахтах или же занимали рабочие места. По этой причине на шахте им. Челюскинцев («Донецкуголь») из 859 спе-

специалистов высшее образование имели 198 чел. [25]. Из 18 начальников участков шахты высшее образование имели 8. Шло старение инженерных кадров. В ПО «Донецкуголь» 85 % должностей ИТР занимали люди пенсионного возраста. Многим было за 70 лет, и по состоянию здоровья они не могли качественно выполнять своих функций. Серьезнейшие «огрехи» инженерного труда обнаруживались под землей. В 1988 г. при приемке в эксплуатацию 880 лав Гостехгорнадзор УССР выявил более 10 тыс. нарушений ТБ. Более 260 выемочных участков готовились к эксплуатации с отступлениями от утвержденных проектов или же вообще не имели технической документации. Знаком проблем угольной промышленности в прошлом генеральный директор ПО «Стахановуголь» И. Иоффе дает весьма жесткую оценку работе инженерных служб отрасли: «Шахты ушли глубоко вниз. Причем это было сделано технически безграмотно. Все развивалось кустарным способом» [26, с. 32].

Из перечня субъективных факторов, препятствовавших снижению травматизма, основным являлась культура производства шахтеров, не претерпевшая качественных изменений за годы советской власти. Она закрепила пренебрежение к опасности, необязательность при выполнении требований ТБ. В системе ценностей горняков приоритетное положение занимали не безопасные условия труда, не соответствие рабочих мест санитарно-гигиеническим нормам, а заработная плата. Сдельно-премиальная система оплаты труда стимулировала игнорирование шахтерами требований ТБ. Их соблюдение было сопряжено с дополнительными затратами времени, что, по мнению горняков, снижало результативность труда и его оплату. По утверждению специалистов, 80 – 85 % несчастных случаев было связано с систематическим нарушением рабочими инструкций по охране труда. Обоснованность таких суждений подтверждает статистика смертельного травматизма на подземном транспорте, который составлял около 30 % от общего. Его причины не имели прямого отношения к ухудшению горно-геологических условий угледобычи. Травмы были следствием неисправности пути, нарушений правил вождения электровозов, передвижения шахтеров на грузовых составах, нахождения людей в наклонных выработках при работающих канатных откатках. С грубыми нарушениями правил безопасности велись буровзрывные работы, что обусловило рост травматизма по этой причине в 1,6 раза.

Заложенное в менталитете шахтеров русское «авось» провоцировало их на рискованные действия и поступки. По причине производственного риска происходило, по утверждению специалистов, 63 % всех травм [16, с. 100]. В трети случаев травмы были следствием недооценки личной опасности. Часто подвергали себя риску молодые горняки, выпускники профтехучилищ, которые обладали низкими профессиональными знаниями и не обладали необходимыми практическими навыками. Рисковали шахтеры предпенсионного возраста, у которых притуплялось чувство опасности. Следствием недооценки коллективной опасности был каждый пятый случай травмирования. Данный фактор, в частности, стал причиной гибели в декабре 1986 г. 30 человек на шахте «Ясиновская-Глубокая» (ПО «Макеевуголь»). Авария произошла вследствие того, что горняки преднамеренно отключили аппаратуру автоматической газовой защиты, которая прерывала подачу напряжения при опасном уровне концентрации метана. В 1987 г. на шахте «Чайкино» этого же объединения погибли 36 горняков. И в этом случае была проигнорирована опасность концентрации рудничного газа.

Производственная культура рабочих СССР допускала возможность труда в состоянии опьянения. Нахождение на работе пьяных людей было бичом советской экономики. В 1988 г. из 17,8 тыс. рабочих различных отраслей народного хозяйства, пострадавших в УССР от несчастных случаев, треть находилась в состоянии опьянения. Каждый четвертый погибший на производстве был пьян [27]. В первом полугодии 1989 г. на рабочих местах в нетрезвом состоянии были выявлены 41 тыс. чел. Шахтеры не были исключением.

Одну из причин малоэффективной борьбы с нарушителями трудовой дисциплины объясняет горняк шахты им. 60-лет Советской Украины («Донецкуголь») В. Колесников: «Тот, кто пьет, не будет требовать. Начальству это выгодно. Покрывают пьяниц» [28]. Изъяны культуры производства горняков в полном объеме обнаружались во время и после июльской 1989 г. забастовки горняков, в результате которой была основательно подорвана система управления шахтерскими коллективами. В Донецкой области в течение июля-августа 1989 г. общий травматизм по сравнению с аналогичным периодом 1988 г. возрос на 26 %. Если в первом полугодии 1989 г. произошло 17 аварий с групповыми несчастными случаями, при которых погибли 15 шахтеров, то только с июля по октябрь произошло 23 аварии. При этом травмировано было 63 чел., из которых 23 погибли, а 24 получили тяжелые повреждения. В последующем ситуацию усугубила отмена Советом Министров СССР 11 ноября 1989 г. «Устава о дисциплине работников, занятых на работах в особо опасных подземных условиях», проведенная под давлением шахтерских коллективов всех регионов Советского Союза.

Таблица 2 – Состояние производственного травматизма на предприятиях базовых отраслей народного хозяйства Донецкой области [20]

Число пострадавших от несчастных случаев на производстве	1988 г.	1989 г.	1990 г.	% 1990 к 1988 г.
всего	25806	28333	40098	55,3
в том числе:				
угольная промышленность	17800	20700	32022	79,8
металлургическая промышленность	1832	1578	1743	– 4,9

Данные таблицы свидетельствуют, что с 1989 г. в УП начинается стремительное увеличение производственного травматизма. Не будем полностью полагаться на достоверность статистических данных, относящихся к 1988 г., памятуя об афоризме советских времен: «Есть два вида лжи: просто ложь и статистика». В 1988 г. все участники угледобычи были заинтересованы в скрытии информации. Практику ее фальсификации фиксировали профсоюзные инспекции. Так, в течение первого полугодия 1989 г. на шахтах ПО «Донецкуголь» профсоюзные органы выявили 84 незарегистрированных случаев травмирования шахтеров, в том числе двух тяжелых. После июльской забастовки благодаря деятельности стачкомов, а в последующем рабочих групп государственно-общественной комиссии по выполнению постановления СМ СССР № 608 утаить информацию стало невозможно.

Угольная промышленность лидировала по числу пострадавших на производстве. В составе рабочего класса УССР шахтеры составляли 8,5 %, но каждый четвертый травмированный был горняком [5, л. 221]. В Донецкой области из тысячи промышленных рабочих, пострадавших в течение года, было 11 чел., шахтеров – втрое больше. В 1989 г. на предприятиях УССР получили травмы, не совместимые с жизнью, 2635 чел. [14, л. 154]. Из них 278 чел., согласно ведомственной отчетности, были шахтерами [19, с. 3]. В числе погибших горняков всех регионов СССР украинские шахтеры составили 36,7 % [29]. Можно утверждать, что действительное количество погибших шахтеров превышало данные отраслевой статистики, поскольку многие горняки ушли из жизни по дороге в больницы, в больничных палатах или же вскоре после выписки. Но это уже была другая статистика. Согласно ей, шахтером был каждый седьмой погибший на производстве.

В этом же году получили тяжелые травмы, согласно ведомственной отчетности, 566 шахтеров [19, с. 3]. Реальные величины шахтерского травматизма так же были выше. Только в Донецкой области в 1989 г. инвалидами были признаны 560 шахтеров. Тяжелые травмы делали горняков инвалидами. В числе тех шахтеров, кто ушел на пенсию в первом полугодии 1989 г., инвалидом был каждый десятый человек [5, л. 221]. В Донецкой области в 1989 г. на первичную инвалидность вследствие травм вышли 2 тыс. чел., из них 39 % были работники угольной промышленности. Каждый четвертый инвалид был калекой.

Зачастую раньше срока прерывалась трудовая биография шахтеров. Ученые утверждали: по причине инвалидизации трудящиеся производственных объединений недорабатывают до пенсионного возраста примерно 10 лет. До пенсии, по наблюдениям горняков, доживал только каждый двадцатый шахтер [30, с. 68]. В то время, как средняя продолжительность жизни мужчин в СССР равнялась 63 годам, у шахтеров Донбасса, по оценкам сотрудников Института экономики АН УССР, она составляла 49 лет [14, л. 77].

Таким образом, состояние травматизма было отражением уровня экономического развития УССР, культуры производства общества в целом и рабочего класса УССР в частности, качественного состояния основных фондов, степени развитости угольного машиностроения и плодотворности инженерной мысли. Собственник – государство не смогло обеспечить для своих работников безопасных условий труда. Государство обрекло мужское население угледобывающих регионов на экстремальные условия труда, которые порождали смерти, травмы, психические расстройства и деградацию личности человека. Миллионы бюджетных средств направлялись на компенсационные выплаты в связи с потерей шахтерами здоровья на производстве. Ощутимы были экономические потери отрасли вследствие смертельного травматизма. Убытки шахты от одного смертельного случая составляли 100 тыс. руб. Производственный травматизм подрывал общественный престиж базовой отрасли Украины. Горняки не хотели, чтобы их сыновья шли по стопам отцов. В отличие от поколения шахтеров 20-х гг., отвечавшими забастовками на ухудшение условий труда и техники безопасности [31, с. 34], горняки 80-х гг. смиренно воспринимали возрастающую опасность угледобычи. Шаткость жизненных перспектив, тяжесть и вредность труда стимулировали алкоголизм в шахтерской среде. В результате гибели шахтеров семьи оставались без кормильцев, дети без отцов. Безотцовщина формировала социальную почву воспроизводства и роста преступности в городах и поселках Донбасса. Тем не менее, существенное снижение смертельного травматизма в 80-е гг. доказывает возможность преодоления отрицательных последствий ухудшения горно-геологических условий угледобычи и целенаправленного воздействия на сознание горняков в целях активизации материальных и психологических стимулов безопасной трудовой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вугільний Донбас у другій половині ХХ століття / Під редакцією З.Г. Лихолобової. – Донецьк: ДонДУ, 2001. – 317 с.
2. Лихолобова З.Г. Концептуальні питання історії вугільного Донбасу у другій половині ХХ століття // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн. 8. – Донецьк: ДонНУ, 2000. – С. 5-16.
3. Шевченко Н.Н. Умовля життя і праці шахтерів в першій половині 1980-х гг. // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн. 7. – Донецьк: ДНУ, 1999. – С. 203-208.
4. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГОУ). – Ф. 1. – Оп. 11. – Спр. 1304.
5. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (далі –ЦДАВОВУУ). – Ф. Р-2. – Оп. 15. – Спр. 1857.
6. Устюжанин Ф.В. Результативність целевої перевірки стану ТБ при розробці вибросоопасних пластів на шахтах Донбасу // Уголь України. – 1990. – № 7. – С. 33-34.
7. Астров – Шумилов Г.К., Есенков В.М. О повышении качества добываемого угля // Уголь Украины. – 1991. – № 3. – С. 6-7.

8. Фищенко С.П. Производственный потенциал угольной промышленности Украины и перспективы его развития // Уголь Украины. – 1990. – № 6. – С. 2-4.
9. За улучшение состояния ТБ и охраны труда в угольной промышленности // Уголь Украины. – 1989. – № 8. – С. 39-40.
10. Пудак В.В. За обеспечение безопасных условий труда // Уголь Украины – 1989. – № 8. – С. 41-43.
11. Устюжанин Ф.В. О состоянии производственного травматизма на шахтах УССР // Уголь Украины. – 1991. – № 5. – С. 41-44.
12. Брижанев А.М., Галазов Р.А., Куш О.А. Об использовании метана угольных бассейнов и месторождений // Уголь Украины. – 1991. – № 11. – С. 25.
13. Основные показатели по угольной промышленности СССР. Аналитический материал к докладу Министра на Втором съезде шахтеров. – М.: МУП СССР, 1990. – 82 с.
14. ЦДАВОВУ. – Ф. Р-2. – Оп. 15. – Спр. 1856.
15. Алюша А.И., Биренберг Б.М. Угольная промышленность Украины: проблемы и решения. – Донецк: ИЭП НАН Украины, 1999. – 95 с.
16. Сумин В.А. Социальные последствия воздействия факторов производственной среды на работающего // Труды Донецкого ТГУ. Сер. Экономика. – Вып. 5. – Донецк, 1999. – С. 89-108.
17. Державний архів Донецької області (далі – ДАДО). – Ф. 18. – Оп. 63. – Спр. 43. – Арк. 26.
18. ДАДО. – Ф. 326. – Оп. 136. – Спр. 146. – Арк. 71.
19. Дюба А.Ф. Обеспечение безопасности труда – гарантия устойчивой и безаварийной работы угольных предприятий // Уголь Украины. – 1990. – № 2. – С. 2-5.
20. Таблица состояния производственного травматизма на предприятиях базовых отраслей народного хозяйства области. Архив автора.
21. ЦДАВОВУ. – Ф. Р-2. – Оп. 15. – Спр. 1468. – Арк. 9.
22. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Спр. 1002. – Арк. 43.
23. ДАДО. – Ф. 2794. – Оп. 2. – Спр. 6119. – Арк. 72.
24. ДАДО. – Ф. 18. – Оп. 59. – Спр. 26. – Арк. 45.
25. ДАДО. – Ф. 18. – Оп. 63. – Спр. 35. – Арк. 20.
26. Иоффе И. Один на один с системой. – Луганск: Лугань, 1995. – 271 с.
27. ДАДО. – Ф. Р. 2794. – Оп. 2. – Спр. 5995. – Арк. 135.
28. ДАДО. – Ф. 920. – Оп. 2. – Спр. 4241. – Арк. 126.
29. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Спр. 1054. – Арк. 151.
30. Богуславский С. Забастовки могло и не быть // Диалог. – 1990. – № 1. – С. 68-71.
31. Войтенко С.В. Опозиційний робітничий рух в Україні на завершальному етапі НЕПу (1926 – 1928) // Вісник Київ. нац. ун-ту ім. Т. Шевченка. – Сер. 1. Історія. – К., 2002. – Вип. 59-60. – С. 34-35.

В.Л. Агапов

Виробничий травматизм у вугільній промисловості УРСР у 80-х рр. XX століття: причини, динаміка, наслідки

У статті розкриваються об'єктивні та суб'єктивні причини виробничого травматизму у вугільній промисловості УРСР, показано динаміку смертельного травматизму у 80-х рр. XX століття, визначаються економічні та соціальні наслідки цього явища.

V.L. Agapov

The Traumatism at the Works in the Coal Industry of Ukraine in 1980s of the 20th Century: Reasons, the Dynamics, Consequences

In the article objective and subjective reasons of the traumatism at the works in the coal industry of Ukraine are revealed; statistic data, characterising the dynamics of the fatal traumatism in 1980s of the 20th century, are given; economic and social consequences of this phenomenon are defined.

Стаття поступила в редакцію 28.01.2008.